

БАЛЕТ

Бенефис Джона Ноймайера

Если бы меня попросили назвать город в Европе, который лучше других подходил бы на роль балетной Мекки, куда могли бы устремиться все страждущие блистательного танца, я назвала бы вовсе не Москву с ее нынешней мешаниной хореографических наречий, увы, не Петербург, захлебывающийся балетной стариной, теперь уже и не Брюссель, некогда осененный присутствием самого Бежара, но и не Лозанну, в которой Бежар, найдя новое пристанище, не смог найти былого вдохновения, и даже не излюбленный гениями всех мастей Париж... Нет, «священный хадж» танцопоклонства я призываю совершить вас, представьте себе, в Гамбург! Но обязательно тогда, когда в Штаатс-Опера проходят «Дни балета» или — по-немецки — «Балет-таге». А так как все призывы нынче ничего не стоят без рекламы, то начну прямо с нее.

Вы никогда не слышали о «Балет-таге»? Если есть у вас хоть мало-мальская возможность, пополните же скорей свою «карту достопримечательностей» этим «фестивалем фестивалей» хозяев местной сцены — знаменитой труппы Гамбурга. Когда б вы ни нагрянули на ее выступления, всегда увидите дух захватывающий парад танца.

Спешите видеть «Балет-таге» — эту «Выставку достижений немецкой хореографии», их ВДНХ без наших мнимых достижений, о которых можно на весь мир кричать, но которых, как ни напрягай глаза, не видно. На «Балет-таге», чтобы разглядеть шедевры, вам не понадобится никаких усилий, никакая увеличительная оптика не будет нужна — здесь они сами бросятся вам в глаза!

Но все же не забудьте захватить с собой бинокль, если вы давно искали в жизни случай узреть гения. Тогда с «Балет-таге» вам просто повезло: вы — у цели! Распознать, кто он, нетрудно. Когда на вызов «автора!» почти ежевечерне станет выходить один и тот же человек, вы поймете, что все предстоящее в зрительном

«поглотить» на «Балет-таге» все бесчисленные — и превосходящие! — «блюда», созданные Ноймайером за двадцать лет, ведь любой его балет — возьмем «Лебединое озеро» или «Отелло», «Пер Гюнта» или «Реквием» — способен переполнить впечатлениями. Посему внимайте разуму, бегите с ноймайеровских репетиций, если не хотите получить слишком сильные дозы воздействия, оказаться под экстремальным для эмоций излучением. Бегите, если хотите оставить в душе место и не истратить чувства для восприятия непосредственно спектаклей. Ведь надо, помимо названных, «вместить в себя» еще и «Сон в летнюю ночь», «Щелкунчика» и «Золушку», «Вацлава» и «Штиль», «Детские сцены» и «Весну священную», «Желание» и «Дон Кихота», «Волшебный рог мальчика» и балеты, поставленные на музыку Третей, Четвертой и Пятой симфоний Малера. Надо вместе с труппой и самим Ноймайером, танцующим партию Христа, напряженно «передумать» его четырехчасовые «Страсти по Матфею». Надо по отрывкам из балетов, показанных на заключительном гала-концерте, силой воображения «дорисовать» и «Даму с камелиями», и «Трамвай «Желание», и «Сейчас и потом», и «Окно к Моцарту». И главное — надо сохранить запал, чтобы в конце «Балет-таге» еще воспламениться от великолепной взрывной «Серенады» на музыку Бернштейна — этой последней премьеры Джона Ноймайера...

Но для тебя самого доводи собственное рассуждение — обычно пустой звук. И я, все дни сочетая спектакли с репетициями, наивно надеялась — таки устоять перед «психической атакой» гения, убивающего просто наповал глубиной и мощью своих хореографических прозрений. Однако, посрамленная, все-таки была вынуждена бежать с генеральной репетиции последнего концерта, поскольку в какой-то момент вдруг перестала что-либо различать и понимать в лавине танца.

Я не пожалела о своей настырности. Постоянное пребывание в театре дало редкую возможность почувствовать, как «вкальвают» артисты гамбургской труппы и с удивительной нежностью относящийся к ним ее глава. Если вместе с ними приходится на «классический» урок, назначаемый на девять-десять, то вряд ли успеешь дома приготовить завтрак. Наблюдая следом все репетиции до четырех-пяти, а иной раз и до шести, заведомо остаешься без обеда. Вот тут «оперативно» можно глотнуть кофе, но к шести надо спешить на обязательный урок перед спектаклем, а там уже начинается и сам спектакль. Когда после него к полуночи добираться домой, свидетельствую, что ужинать уже не хочется. Так проходили на моих глазах без всяких выходных почти три недели «Балет-таге».

«И каждый вечер в час назначенный...» Да, каждый вечер в их лице — в их «лицах» — на сцену выходило само Искусство, само Творчество, само Мастерство. Но, может быть, особенно остро это ощущалось в предпоследний день «Балет-таге», после уже пятнадцати станцованных балетов, — в день, когда шел «Реквием» Моцарта. Зная накопленную артистами беспредельную усталость, невыносимо было поверить, что подобное возможно. Но они исполняли сложнейшую хореографию этого трагического действия, требующую столько сил, сколько с лихвой хватит на два, а то и три классических балета, с необыкновенным рвением и тщанием, и казалось, что так самозабвенно, не щадя себя ни физически, ни душевно, они до сих пор еще не танцевали. А еще казалось, что, если было бы возможно поднять сразу всю труппу на руки, Ноймайер бы сделал это по окончании «Реквиема».

Впрочем, его артистам и так грех жаловаться. Сами по себе великолепные, они еще и имеют уникальные хореографические партии, это их великолепие отменно подающее. Что женский, что мужской состав «ноймайеровцев» — все сплошь индивидуальности, ни друг на друга, ни на кого еще не похожие. Вот самые «сливки» гамбургского балета — Шанталь Лефевр, Беттина Бекман, Анна Грабка, Стефания Арндт, Хелси Юргенсен, Анна Поликарпова, Гамаль Гауда, Жан Лабан, Андерс, Хельструм, Януш Мацон. Но если выбрать самых-самых, отдав им предпочтение перед всеми, то, на мой вкус, это будут несравненная Джиджи Хайят, столь трепетная в каждый миг своего танца, и мужественный Иван Лиска, совмещающий в себе все мыслимые достоинства танцовщика.

Воспоминания о «Балет-таге» в Гамбурге настолько ярки, что сотрутся не скоро, а может быть, и никогда. Повторяю: если вы любите танец, если любите и имеете возможность путешествовать, проложите маршрут к Дому Джона Ноймайера.

Наталья ЗОЗУЛИНА.
ГАМБУРГ —
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ.

● Сцена из балета «Реквием».

Фото Х. Баденова.

изобилие пластических форм, все мыслимое и невысказанное разнообразие являемых балетных жанров — а здесь и танц-симфонии, и хореомистерии, и многоактные сюжетные, и одноактные программные балеты, и бессюжетные композиции, и концертные миниатюры — что все это есть плоды творчества не десятка балетмейстеров, а только одного, и тогда доставайте свой бинокль и старайтесь получше рассмотреть его лицо. Перед вами — хореограф, не нуждающийся ни в какой рекламе по причине мировой известности, душа всего, что связано в Гамбурге с Балетом, и непосредственный зачинщик «Балет-таге», а в нынешнее лето еще и юбиляр, отмечающий двадцатилетие своей работы в труппе, короче, перед вами — Джон Ноймайер.

...Хронически, почти как Петербург, мокнувший под проливным дождем вместе с глеющим на него приезжим людом, — таков Гамбург начала лета и туристского сезона. Но при том еще — разнеженный в довольстве и комфорте, с лоснящимися «щеками» витрин, набитыми «животами» магазинов и огромным, вмещающим невообразимое количество еды, «чревом» главной площади при Ратуше. Внутри же этого раблезианского котла — города с его бурлящей плотью — ищите и обрящете другой, непроницаемо-бетонный, под которым бьет ключом энергия творческого духа.

Этот образ «котла в котле» напомнит о себе всякий раз, как, переступив порог оперы, вы окунетесь в ее заряженную «Балет-таге» атмосферу, или, выйдя из театра, окажетесь в гуще кипящей вокруг него жизни улицы. Тем более что бетонный клуб Штаатс-Оперы, сдавленный со всех боков улочками и переулочками (один из них дерзнул прозваться — как бы вы думали? — «Большая театральная!»), стоит тут же в центре, совсем недалеко от Ратуши. Он прост и снаружи — никаких украшений, и внутри — интерьер «принципиально» аскетичен, узкие фойе — не разгуляешься! — прижаты к стене зрительного зала. Но вся несложная планировка театра «целестремленна». Отовсюду, где бы ни вошли, дорога приведет вас только к сцене.

Приготовление вечерних пиршеств начинаются здесь с самого утра. Что удивительно, не слышно никаких команд, сигналов и призывов, никто не бегает, не суетится, не кричит, и вдруг, по мановению невидимой руки, вступает музыка, и все оказываются на нужных местах: Ноймайер — в зале, за своим столом, на котором только неизменный термос с кофе и микрофон, такой же «тихий», как голос самого Ноймайера, артисты — кто на сцене в требуемой «позиции», кто — наготове за кулисами. И танец так гладко начинается течь по пролагаемым ему музыкальным путям, что уже на репетициях возможно с полным наслаждением «вкушать» изысканные хореографические яства, пусть даже «стол» пока «не сервирован» — нет декораций и костюмов. Хотя я бы сразу остерегла вас от увлечения этими утренними — в дополнение к вечерним пирам — «дегустациями», слишком велика тогда вероятность перенасыщения.

Вообще, дай вам Бог суметь

172